

ПРОЦЕСС МОНОПОЛИЗАЦИИ ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ (1900—1914 годы)

В. Я. Лаврычев

В последнее время опубликовано значительное количество работ по истории монополий в ряде важнейших отраслей промышленности царской России¹. Однако до сих пор остается неразработанным вопрос о путях развития и формах монополистических объединений в текстильной промышленности. В специальных монографиях по экономике текстильной промышленности² истории монополий не уделяется должного внимания.

Без учета деятельности монополий в текстильной промышленности — крупнейшей в стране отрасли фабрично-заводского производства — невозможно правильно оценить степень развития монополистического капитализма в России. Без изучения процессов монополизации легкой промышленности, где влияние иностранного капитала было гораздо слабее, чем в тяжелой, а удельный вес которой в промышленности страны был значительно выше по сравнению с передовыми капиталистическими странами, нельзя всесторонне определить особенности развития государственно-монополистического капитализма в России. Актуальность исследования истории монополистических объединений в текстильной промышленности обуславливается также тем, что с последней была тесно связана русская империалистическая буржуазия (Рябушинские, Морозовы, Н. А. Второв, А. И. Коновалов, С. Н. Третьяков и др.), стремившаяся путем закулисных сделок с царизмом постепенно сосредоточить в своих руках политическую власть и превратить самодержавную монархию в буржуазную. После Февральской революции именно текстильные фабриканты в качестве представителей торгово-промышленных кругов входили во Временное правительство.

Цель данной статьи — показать особенности развития и характер монополистических объединений, возникавших на завершающей стадии цикла хлопчатобумажного производства, и проследить основные направления деятельности важнейших из них.

Хлопчатобумажная промышленность являлась наиболее крупной в стране отраслью текстильного производства. К 1897 г. стоимость продукции 947 хлопчатобумажных предприятий составляла около 15% стоимости продукции всей фабрично-заводской промышленности царской России. На хлопчатобумажных фабриках насчитывалось 316,1 тыс. рабочих — почти 15% всего пролетариата страны³. Большая часть продук-

¹ Подробный перечень этих работ имеется в журнале «Вопросы истории», 1957, № 9, стр. 195—200.

² П. А. Хромов. Очерки экономики текстильной промышленности СССР. М. 1946; К. А. Пажитнов. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Шерстяная промышленность. М. 1955; его же. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льно-пеньковая и шелковая промышленность. М. 1958.

³ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II. М.-Л. 1948, стр. 149. В 1913 г. производство хлопчатобумажной промышленности составляло 22,3% производства всей фабрично-заводской промышленности. На ее предприятиях было

ции и рабочих приходилась на крупные и крупнейшие текстильные предприятия. Еще в 1890 г. в стране было 59 хлопчатобумажных фабрик, насчитывавших более одной тысячи, и 43 предприятия — от 500 до 1 000 рабочих. К 1913 г. 90,6% рабочих хлопчатобумажной промышленности сосредоточивалось на фабриках, имевших свыше 500 рабочих каждая⁴. Уже в конце XIX в. в хлопчатобумажной промышленности имелись крупнейшие предприятия товариществ С. Морозова, Тверской мануфактуры, В. Морозова и др., на которых были заняты десятки тысяч рабочих. Высокая степень концентрации хлопчатобумажного производства создавала условия для возникновения монополистических союзов предпринимателей.

Тенденции к заключению монополистических соглашений в хлопчатобумажной промышленности впервые более или менее отчетливо проявились на рубеже XIX и XX веков. Возникновение монополий было теснейшим образом связано с кризисными явлениями в сбыте хлопчатобумажных тканей в России и вздорожанием хлопка на международном рынке в 1899 году⁵. Особые затруднения в сбыте продукции испытывали владельцы ситцепечатных и ситценабивных предприятий, выпускавших значительную долю товаров непосредственно для продажи потребителю⁶. Именно на завершающем этапе цикла хлопчатобумажного производства и состоялись первые, более или менее устойчивые монополистические соглашения.

Борьбу с кризисными явлениями хлопчатобумажные фабриканты начинали прежде всего с увольнения рабочих, снижения заработной платы и т. д. В сентябре 1899 г. на совещании московских текстильных фабрикантов обсуждался вопрос о сокращении рабочей недели до 5 дней⁷. Вместе с тем интенсивно велись переговоры о повышении цен. Первое соглашение о повышении цен на хлопчатобумажные изделия было заключено 12 лодзинскими фабрикантами в феврале 1900 года. В марте того же года состоялось такое же соглашение московских фабрикантов-пунцовщиков. Вслед за ними о повышении цен на свои ситцы объявили иваново-вознесенские фабриканты. В конце марта московские фабриканты также оповестили клиентуру о предстоящем повышении цен на ряд хлопчатобумажных тканей. Однако соглашение о надбавке к ценам на московские ситцы не было достигнуто⁸. Оно, очевидно, состоялось только перед Нижегородской ярмаркой летом 1900 года. Установленные цены продержались до осени 1901 года. В октябре московские фабриканты вынуждены были отказаться от введенной ими прибавки. Дело в том, что ивановские и лодзинские фабриканты, имевшие те же рынки сбыта, что и московские, скидку с цен сделали значительно раньше⁹. Кризисные явления развивались и в 1902 году. Скопление большого количества тканей на складах заставило иваново-вознесенских фабрикантов в январе 1903 г. согласиться на очередное понижение цен¹⁰.

Дальнейшее углубление кризиса потребовало новых переговоров и соглашений по вопросу о ценах. Очередное соглашение о повышении цен было достигнуто в марте 1903 года. Иваново-вознесенские фабриканты

занято уже 512,8 тыс. человек, то есть 23,1% всех промышленных рабочих страны (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 23, оп. 27, л. 479, л. 1)

⁴ П. А. Хромов. Указ соч., стр. 39, 53.

⁵ А. Ф. Яковлев. Экономические кризисы в России. М. 1955, стр. 277—279.

⁶ Ситценабивная и ситцепечатная промышленность была сосредоточена главным образом в Центральном промышленном районе. К. А. Пажитнов. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. М. 1958, стр. 126.

⁷ А. Ф. Яковлев. Указ соч., стр. 279.

⁸ Государственный исторический архив Московской области (ГИАМО), ф. 774, оп. 1, л. 280а, лл. 3—5.

⁹ Там же, лл. 23—24, 30; ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, л. 348, л. 52.

¹⁰ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, л. 280а, л. 63.

также повысили цены на ткани, однако не с таким единодушием, как московские¹¹. Перед Нижегородской ярмаркой московские фабриканты сделали новую надбавку к ценам на ситец с 1 сентября 1903 года. Аналогичное увеличение цен было произведено иваново-вознесенскими ситцевиками. Однако большая часть из них осуществила повышение цен в два приема: перед Нижегородской ярмаркой и с 1 сентября¹².

Рост прибылей капиталистов в результате соглашений о повышении цен привел к тому, что некоторые московские фабриканты в январе 1904 г. стали настаивать на новой прибавке к ценам. Это предложение вызвало резкие возражения ряда крупных фабрикантов, которые считали, что дальнейший рост цен может лишь сильно ухудшить конъюнктуру на рынке. В последних числах февраля состоялось совещание московских фабрикантов, на котором все же было принято решение о повышении цен на ткани в начале марта. В бюллетене товарищества Э. Циндель по этому поводу говорилось: «Такой огульной прибавки на набивной товар не было в течение последних 15 лет».

Одновременно с повышением цен, по-видимому, было достигнуто принципиальное соглашение о сокращении производства, хотя детально оно не было регламентировано. Некоторые предприятия сократили количество рабочих дней путем увеличения пасхального перерыва¹³.

Летом 1904 г. хлопчатобумажные фабриканты в связи с падением цен на пряжу несколько понизили цены на ряд тканей. Однако цены на ситец удерживались на прежнем уровне. Очевидно, именно в это время окончательно оформились картельные соглашения московских и иваново-вознесенских ситцевиков, затем периодически возобновлявшиеся. Если до 1904 г. на совещаниях московских фабрикантов рассматривались и принимались цены на различные хлопчатобумажные ткани, то с этого года на них присутствовали лишь владельцы ситцепечатных фабрик, обсуждавшие вопросы о ценах на ситец — самую распространенную хлопчатобумажную ткань¹⁴.

Факт оформления в 1904 г. более устойчивых и прочных специализированных объединений хлопчатобумажных фабрикантов подтверждается также и тем, что цены на ситцы начали неуклонно расти именно с этого времени. В справке, составленной правлением товарищества Э. Циндель, признавалось, что московские фабриканты получили благодаря повышению цен дополнительно 6% прибыли¹⁵.

Несмотря на удешевление хлопка и ухудшение конъюнктуры на рынке в 1908 г., ситцевые фабриканты всеми средствами пытались сохранить прежние высокие цены. 18 марта 1908 г. ими было принято по этому поводу соответствующее решение¹⁶. Если московским фабрикантам удалось довольно легко сохранить цены на прежнем уровне, то иваново-вознесенские фабриканты вынуждены были обсуждать вопрос о сокращении производства в 1908 г. за счет увеличения пасхального перерыва. Запасы дешевых ситцев были настолько велики, что встал даже вопрос о понижении цен. Часть фабрикантов высказывалась в пользу этой меры, однако единства не было достигнуто¹⁷. Выход из положения, очевидно, был найден в основном за счет сокращения производства¹⁸. В конце 1908 г.

¹¹ Там же, л. 67.

¹² Там же, лл. 75—76.

¹³ Там же, лл. 87, 90—91, 93. Пасхальный перерыв — остановка текстильных предприятий, практиковавшаяся в Центральном промышленном районе, во время которой заканчивался срок найма рабочих.

¹⁴ Там же, лл. 99, 100, 103.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 343, лл. 47—48.

¹⁶ Г. В. Цыперович. Синдикаты и тресты в России. Пгтр. 1918, стр. 107-108.

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, лл. 90—91.

¹⁸ «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1906 г.». СПб. 1907, стр. IV; «Вестник финансов промышленности и торговли», 1909, № 52, стр. 655; «Текстиль в первой русской революции». М. 1925, стр. 209.

иваново-вознесенские фабриканты, используя спад рабочего движения в стране, вновь обсуждали вопрос о свертывании с нового года производства путем сокращения рабочей недели до 4—5 дней или прекращения работ перед пасхой. Однако это предложение после обсуждения было отвергнуто, так как сокращение производства было на руку конкурентам — московским ситцевикам¹⁹.

В 1909 г. хорошие виды на урожай способствовали оживлению хлопчатобумажного рынка. В 1910 и в первой половине 1911 г. это оживление продолжалось²⁰. Однако к августу 1911 г. положение изменилось. На предприятиях Иваново-Вознесенского района скопились большие запасы тканей. Спрос на них был настолько мал, что фабриканты вынуждены были несколько понизить цены²¹. Одновременно с этим они прибегли к сокращению производства в размере $\frac{1}{6}$ недельной выработки и к снижению расценок²². Иваново-вознесенские фабриканты стремились за счет рабочих устранить последствия кризисных явлений, сохранить свои прибыли. Они усилили эксплуатацию, интенсифицировав труд. Фабриканты извлекали все выгоды из того, что пролетариат крупнейшего текстильного района России вследствие ряда причин (существенное изменение его состава, давление огромной резервной армии безработных и т. д.) в 1911—1913 гг. слабо участвовал в активной революционной борьбе.

Положение мануфактурного рынка в то время было настолько тяжелым, что, несмотря на совместные действия с целью сохранения цен на прежнем уровне, московские ситцевики также вынуждены были провести снижение цен²³. В 1912 г. кризисные явления в текстильной промышленности усилились²⁴. Некоторое кратковременное оживление на рынке наблюдалось лишь перед Нижегородской ярмаркой²⁵. Этим не преминули воспользоваться фабриканты. 17 сентября 1912 г. состоялось очередное совещание московских ситцевиков, на котором было принято решение о повышении цен на ситец²⁶.

Дальнейшее углубление кризисных явлений в текстильной промышленности в 1913 г. способствовало еще большей консолидации фабрикантов. В октябре этого года происходили совещания представителей крупнейших московских ситцевых фабрик (товариществ Э. Циндель, Н. Коншина, А. Гюбнера, Прохоровской трехгорной и Даниловской мануфактур и др.). На них было достигнуто соглашение о повышении цен с декабря 1913 года. Впервые за время существования объединения московских ситцевиков было принято решение о необходимости выплаты крупной неустойки фирмой, нарушившей заключенное соглашение о повышении цен²⁷.

Все московские ситцевики настойчиво придерживались принятых цен, хотя встретили большие затруднения при продаже тканей крупным торговцам. В ноябре 1913 г. сбыт осуществлялся только по новым ценам²⁸. Примеру московских последовали иваново-вознесенские фабриканты, так-

¹⁹ Газета «Голос Москвы», № 1, 1 января 1909 года.

²⁰ Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. 102, ДП, оп. 120, л. 11, ч. 2, л. 124; Государственный архив Владимирской области (ГАВО), ф. 266 (старшего фабричного инспектора), оп. 21, д. 47, лл. 2, 10, 18, 28, 35, 111; газета «Старый владимирец», № 233, 1911 год.

²¹ ГАВО, ф. 266, оп. 21, л. 67, л. 9; «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1911 г.». СПб. 1912, стр. XXXIX.

²² Газета «Утро России», № 278, 3 декабря 1911 года.

²³ «Утро России», № 265, 17 ноября 1911 года.

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, д. 67, лл. 16, 19; «Правда», № 35, 9 мая 1912 года.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, д. 67, л. 34; ЦГИАМ, ф. 102, оп. 121, д. 11, ч. 2, л. 48.

²⁶ «Утро России», № 165, 18 июля 1912 года.

²⁷ «Коммерческий телеграф», №№ 233, 235, 250, 7, 9, 28 октября 1913 г.; «Утро России», № 205, 5 марта; №№ 252 и 253, 1 и 2 ноября 1913 года.

²⁸ «Коммерческий телеграф», №№ 256 и 273, 4 и 25 ноября 1913 года.

же повысившие цены на свои ситцы²⁹. Повышение цен при наличии большого запаса тканей, давивших на рынок, потребовало осуществления и другой меры — сокращения производства. В середине марта 1914 г. состоялось совещание представителей 7 предприятий, выпускавших московские ситцы (товариществ Э. Циндель, Н. Коншина, А. Гюбнера, Даниловской, Тверской, Прохоровской и Куваевской мануфактур). На этих предприятиях производилась подавляющая доля московского ситца и было занято около 37 тыс. рабочих. На совещании было принято решение сократить производство за счет удлинения пасхального перерыва с обычных 25 до 40 дней³⁰.

Таким образом, на протяжении десятилетия (с 1904 по 1914 г.) московские и иваново-вознесенские фабриканты на регулярных совещаниях договаривались о ценах и сокращении производства. Эти соглашения дают основания считать, что в России в изучаемый период существовало два крупных картеля ситцевых фабрикантов. Участники этих картельных объединений нередко нарушали соглашения. Бюллетень товарищества Э. Циндель за декабрь 1904 г. сообщал, например, о факте преждевременного понижения цен одной московской мануфактурой, чем она оказала «медвежью услугу» остальным предприятиям, вынужденным также раньше времени понизить цены³¹. Бюллетень за март 1908 г. указывал на отсутствие единства среди иваново-вознесенских фабрикантов в деле сохранения цен на прежнем высоком уровне³². В ноябре 1913 г. товарищество мануфактур Н. Дербенева, несмотря на достигнутое иваново-вознесенскими фабрикантами соглашение о повышении цен, продолжало продавать ситцев по старым ценам³³.

Между участниками картельных соглашений московских и иваново-вознесенских ситцевиков, а также владельцами предприятий, вырабатывавших другие виды хлопчатобумажных тканей, заключались и кратковременные соглашения об общих условиях сбыта в определенных районах. Так, в конце апреля — начале мая 1913 г. в Коканде состоялись совещания представителей фирм, торговавших в Средней Азии. 18 мая 1913 г. они согласились осуществить сокращение кредита (в особенности товарами) местным торговцам и согласовывать действия всех фирм при открытии разным лицам кредита. Соглашение было подписано представителями Прохоровской и Даниловской мануфактур, товариществ Познанского, А. Гюбнера, Каретниковых и др.³⁴.

В годы кризисного состояния текстильной промышленности перед первой мировой войной тенденция к объединению мелких групп предпринимателей в соответствии с их специализацией еще более усилилась. В начале ноября 1913 г. на совещании владельцев предприятий, вырабатывавших черные бумажные триковые ткани, было принято решение повысить цены на все сорта тканей на 5%³⁵. Известны и другие специализированные монополистические соглашения. В декабре предприятия, отделывавшие бархат и плюш (О. Г. Хишина, Э. Брена, А. Е. Генкина, А. А. Головкина и Ф. Е. Беккера), установили единые цены и решили организовать надзор за выполнением соглашения³⁶. В конце 1913 г. состоялось объединение фабрик бумажных кружев. Новая организация, созданная товариществом московской фабрики кружевных изделий, получи-

²⁹ «Коммерческий телеграф», № 256, 4 ноября 1913 г.; «Утро России», №№ 252 и 255, 1 и 5 ноября 1913 года.

³⁰ «Коммерческий телеграф», №№ 358 и 359, 17 и 18 марта 1914 г.; «Утро России», № 66, 20 марта; № 78, 4 апреля 1914 г.; ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, л. 200.

³¹ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 280а, лл. 112—113.

³² ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, л. 90.

³³ «Коммерческий телеграф», № 273, 25 ноября 1913 года.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 1425, оп. 1, д. 501, лл. 86—89, 91.

³⁵ «Коммерческий телеграф», № 256, 4 ноября 1913 года.

³⁶ «Коммерческий телеграф», № 296, 23 декабря 1913 года.

ла наименование кружевного синдиката. Владельцы московской фабрики кружевных изделий стали скупать родственные предприятия, входившие в синдикат, приобрели фабрику акционерного общества кружевной мануфактуры М. С. Фейнкинда в Варшаве и кружевной отдел тюлевокружевной фабрики Флетчера в Москве³⁷.

Несколько особое положение занимало объединение мелких и средних красильно-аппретурных предприятий, выполнявших заказы текстильных фабрик по крашению, набивке и отделке тканей. В общество красильно-аппретурных фабрикантов входили представители 32 предприятий, имевших около 8 тыс. рабочих. В сентябре 1913 г. оно приняло, например, решение об увеличении на 5% расценок за произведенную работу. В декабре 1913 — январе 1914 г. в обществе интенсивно обсуждался вопрос об организации синдиката красильно-аппретурных фабрикантов. Однако подготовленное соглашение так и не было подписано. В годы первой мировой войны цены на красильно-аппретурные работы по-прежнему рассматривались и утверждались на совещаниях представителей красильно-аппретурных предприятий при обществе. Последнее значительно укрепило свои позиции — в 1917 г. в нем насчитывалось уже 49 предприятий с 12 838 рабочими³⁸.

Об организационных формах, в рамках которых осуществлялись картельные соглашения ситцевиков в промежутках между совещаниями фабрикантов, известно, к сожалению, очень мало. Совещание московских фабрикантов-ситцевиков имело свой центр. Роль его выполняло товарищество Э. Циндель. Не случайно именно с 1900 г., когда происходили первые совещания московских мануфактуристов, начали регулярно выходить информационные бюллетени товарищества Э. Циндель, в которых обстоятельно характеризовалось состояние рынка хлопка, пряжи, суровых и в особенности готовых хлопчатобумажных тканей. Благодаря бюллетеням участники складывавшегося объединения принимали решения, зная состояние рынка и положение хлопчатобумажной промышленности в целом. Бюллетени одобрительно оценивали деятельность фабрикантов, упорно отстаивавших повышение цен на ситец, резко осуждали нарушителей принятых соглашений, выступали против торговой практики, идущей вразрез с линией, проводившейся картелем (см. бюллетень за апрель 1902 г.)³⁹. Характерно также и то, что именно товарищество Э. Циндель защищало московских фабрикантов, когда демократическая печать совершенно справедливо обвинила их в злом и преднамеренном взвинчивании цен на ситец⁴⁰.

Организаторская деятельность товарищества Э. Циндель не ограничивалась рамками внутреннего рынка. Это предприятие выступило инициатором объединения русских текстильных фабрикантов в деле экспорта тканей. В 1900 г. по его предложению группа русских фабрикантов отправил в Северный Иран несколько экспедиций для изучения состояния местного рынка. «Ввиду все более ощущаемого в последнее время переизобилия хлопчатобумажных изделий, — отмечалось в протоколе заседания правления товарищества Э. Циндель от 26 января 1901 г., — русским фабрикантам приходится отыскивать новые рынки для сбыта своих произведений. Одним из таких рынков является Персия»⁴¹. После возвращения этих экспедиций товарищество Э. Циндель совместно с това-

³⁷ «Коммерческий телеграф», № 258, 6 ноября 1913 г.; «Известия общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1913, № 5, стр. 26.

³⁸ ГИАМО, ф. 225, оп. 1, д. 29, лл. 38—40; «Утро России», № 59, 12 марта 1914 г.; «Торгово-промышленная газета», № 222, 28 сентября 1913 г.; «Коммерческий телеграф», № 295, 21 декабря 1913 г.; № 300, 3 января 1914 г.; № 740, 23 сентября 1915 г.; № 1136, 25 февраля 1917 года.

³⁹ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 280а, лл. 47—48.

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 343, лл. 44—48.

⁴¹ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 279, л. 12.

риществами Ясюненских, В. Морозова, А. Е. Полякова, Знаменской и Новой Костромской мануфактур открыло весной 1901 г. в Тегеране склад для оптовой торговли мануфактурными товарами. В течение первого года торговля при поддержке Учетно-ссудного банка Персии развивалась весьма успешно. Однако в 1902 г. банк открыл собственную торговлю мануфактурными товарами с предоставлением широкого кредита покупателям и занял по отношению к московским фирмам резко враждебную позицию. Московские фабриканты не выдержали такой конкуренции и в 1904 г. ликвидировали свои дела в Иране⁴².

Неудача не обескуражила правление товарищества Э. Циндель. Так, в 1902—1903 гг. была организована новая экспедиция для изучения рынков Балканского полуострова. Ее итоги получили освещение в брошюре «Экспорт ситца». В 1906 г. товариществом Э. Циндель, торгово-промышленным товариществом П. М. Рябушинского и др. была организована экспедиция в Сербию, Болгарию и Турцию. 25 июня 1907 г. товариществами Э. Циндель, С. Морозова, братьев Носовых, торговым домом Михайлова был открыт оптово-розничный склад в Софии⁴³. Экспедиции внимательно изучили условия, необходимые для завоевания новых рынков⁴⁴.

Все эти мероприятия имели целью подготовить почву для создания мощного экспортного объединения текстильных фабрикантов. 1 ноября 1908 г. правление товарищества Э. Циндель разослало крупнейшим текстильным предприятиям проект устава «Первого русского экспортного товарищества» с объяснительной запиской. В ней говорилось, что «русский фабрикант путем помещения излишка производства по произвольно дешевой цене за пределами России может избавиться себя от обостренной конкуренции и тем сохранить здоровый внутренний рынок»⁴⁵.

Первая серьезная попытка создания экспортного объединения фабрикантов-текстильщиков была сделана несколько раньше. В сентябре 1904 г. после совещания представителей подзинской промышленности с крупными московскими фабрикантами (С. Т. Морозовым, П. П. Рябушинским, Н. И. Прохоровым и др.) была избрана с этой целью специальная комиссия. Экспорт предполагалось организовать в Индию, Румынию, Сербию, Болгарию и другие страны⁴⁶. Деятельность комиссии была прервана революцией 1905—1907 годов. Улучшение конъюнктуры внутреннего рынка также позволяло не спешить с созданием экспортного объединения. Организационная горячка возобновилась в 1908 г., когда положение на внутреннем рынке снова ухудшилось. Первый параграф устава Русского экспортного товарищества ограничивал его деятельность сферой экспорта и «посредничества в деле сбыта изделий русской промышленности за пределами Российской империи». Владельцами паев товарищества могли быть только фабриканты⁴⁷. Русское экспортное товарищество (с основным капиталом в 500 тыс. руб.) окончательно оформилось в начале 1909 года. Учредителями его являлись крупнейшие текстильные предприятия страны (товарищества Э. Циндель, И. Коновалова, Н. Коншина, П. М. Рябушинского, Куваевской и Богородско-Глуховской мануфактур и др.). Паи товарищества были приобретены также торговым домом Л. Кнопа, Кренгольмской мануфактурой и др. Хотя в Русское экспортное товарищество вошли фабриканты льняной и шерстяной про-

⁴² Там же, лл. 12—13; ф. 143, оп. 1, д. 100, лл. 192—193; ф. 341, оп. 5, д. 230, лл. 2—5, 7; ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, л. 34.

⁴³ Там же, л. 75; «Товарищество Э. Циндель. О сбыте мануфактуры на Ближнем Востоке». Одесса. Б. г., стр. 1.

⁴⁴ См., например, доклад о результатах поездки в Сербию и Турцию представителя товарищества П. М. Рябушинского от 8 декабря 1908 года. ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 231, лл. 2—5.

⁴⁵ Там же, д. 230, лл. 7—10; ф. 774, оп. 1, д. 404, л. 1.

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 755, л. 185.

⁴⁷ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 232, л. 2

мышленности, решающая роль в нем принадлежала хлопчатобумажным предприятиям⁴⁸.

Скоро отделения и склады Русского экспортного товарищества появились в Константинополе, Яссах, Филиппополе, Харбине, Тегеране, Тавризе и Гамбурге. Товарищество Э. Циндель в докладе первому южнорусскому торгово-промышленному съезду в Одессе высоко оценивало итоги деятельности товарищества⁴⁹.

В докладной записке товарищества от 24 января 1917 г. отмечалось, что оно является единственным в России правильно организованным экспортным предприятием, что участие в нем принимали почти все московские и иваново-вознесенские мануфактурные фирмы⁵⁰.

Русское экспортное товарищество повело успешную борьбу с английскими конкурентами на иранском рынке. Если в 1907—1908 гг. стоимость ввозившихся из России в Иран тканей снижалась, то с 1909—1910 гг. она начала увеличиваться и в 1911—1912 гг. превзошла стоимость английского импорта тканей. В течение этого года Россия вывезла в Иран тканей на сумму 16,18 млн. руб., Англия — всего на 14,24 млн. рублей⁵¹.

После Портсмутского мира русские текстильные фабриканты сделали также попытку закрепиться на маньчжурском рынке. Однако ряд неблагоприятных условий заставил большую часть предприятий прекратить свои операции в Маньчжурии. Там сохранились лишь две фирмы — товарищество Э. Циндель и В. Морозова. В 1909 г. к ним присоединилось Русское экспортное товарищество. В 1911 г. торговые обороты русских фирм в Харбине составили 5 млн. рублей⁵².

Несмотря на участие в Русском экспортном товариществе, некоторые крупные фирмы вели самостоятельные торговые операции, имели свою клиентуру и посредников из местных торговцев. Так, товариществом В. Морозова 12 января 1910 г. был заключен соответствующий договор с китайской фирмой И-Тай⁵³. В 1912 г. самостоятельную торговлю в Харбине открыли также участники Русского экспортного товарищества — Прохоровская мануфактура и товарищество А. Гюбнера.

Постепенно русские фабриканты начали проникать в Монголию и даже в Северный Китай. Товарищество В. Морозова открыло торговлю в Тяньцзине, а товарищество Н. Н. Коншина — в Шанхае⁵⁴. В 1911 г. на общем собрании членов Русского экспортного товарищества было решено открыть отделение в Монголии⁵⁵.

Когда в конце 1916 г. царское правительство запретило вывоз хлопчатобумажных тканей за границу, текстильные фабриканты, добиваясь отмены этого решения, обращали особое внимание на те «жертвы», с которыми было сопряжено «завоевание» азиатских рынков⁵⁶. Действия Русского экспортного товарищества на этих рынках типичны для практики монополистических объединений в эпоху империализма. Русская промышленная буржуазия установила в результате ряда соглашений монопольно высокие цены на ткани на внутреннем рынке и включилась, прибегнув к демпингу, в активную борьбу за внешние рынки.

⁴⁸ «Голос Москвы», № 32, 10 февраля 1909 года.

⁴⁹ «Товарищество Э. Циндель. О сбыте мануфактуры на Ближнем Востоке», стр. 2.

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 33, л. 15.

⁵¹ С. С. Остапенко. Внешние рынки России. Персидский рынок и его значение для России. Киев. 1913; «Lodser Textil Markt», № 3, 1914, стр. 42.

⁵² «Русское экспортное товарищество. Маньчжурия как рынок сбыта изделий русского производства». М. 1911, стр. 6—7; «Русская мануфактура и ее конкуренты на китайском рынке». Составил Н. Н. Кротков. СПб. 1914.

⁵³ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 271, л. 5.

⁵⁴ «Русская мануфактура и ее конкуренты на китайском рынке», стр. 36.

⁵⁵ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 1045, лл. 1—3.

⁵⁶ Государственный архив Ивановской области (ГАИО), ф. 108, оп. 1, д. 1867, л. 1.

Русское экспортное товарищество взяло на себя постановку информации о положении экспортного дела и состоянии различных рынков. Оно сравнительно регулярно выпускало с этой целью специальные брошюры. Выше приводились материалы из подобных изданий. Следует упомянуть также брошюру «Абиссиния как рынок сбыта изделий русского производства»⁵⁷. Отстаивая интересы мануфактуристов, товарищество выпускало также брошюры, доказывавшие необходимость возврата пошлин при экспорте тканей⁵⁸.

В конце 1916 г. представители этого объединения, используя более авторитетные предпринимательские организации (Общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, Комитет хлопкоснабжения, Совет съездов представителей промышленности и торговли), добивались отмены запрещения вывоза хлопчатобумажных тканей из России⁵⁹. В то же время товарищество обратилось в Общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности с просьбой поддержать ходатайство о проведений в Иране железнодорожных линий Тегеран — Энзели и Ашхабад — Мешхед, а также о продолжении линии от Верхнеудинска до Урги⁶⁰.

Русское экспортное товарищество возглавлялось советом. Всеми коммерческими операциями руководило правление. В совете преобладали представители крупнейших хлопчатобумажных предприятий (товариществ В. Морозова, П. Малютина, Н. Дербенева, Н. Коншина, А. Баранова, А. Гюбнера, Богородско-Глуховской и Куваевской мануфактур). В состав совета и ревизионной комиссии входили также представители ведущих петроградских банков (Русский для внешней торговли, Петроградский международный), по-видимому, финансировавшие операции товарищества. Бессменным председателем совета являлся А. Л. Керков — фактический руководитель товарищества Э. Циндель⁶¹, что указывает еще раз на роль последнего. Приведенные сведения, на наш взгляд, дают достаточные основания назвать Русское экспортное товарищество текстильным (прежде всего хлопчатобумажным) экспортным синдикатом.

Почему же именно товарищество Э. Циндель стало центром объединительных тенденций в хлопчатобумажной промышленности? Ответ на этот вопрос дает состав пайщиков этого предприятия. Последними являлись Кнопы, Морозовы, Бардыгины, Красильщиконы, Хлудовы и другие крупные фабриканты. В 1903 г. пай товарищества распределялись между 109 пайщиками, значительная часть которых владела собственными текстильными предприятиями. В 1912 г. число пайщиков увеличилось до 141 человека. Среди них появились Н. А. Второв, Н. Г. Бурылин (владелец Куваевской мануфактуры в Иваново-Вознесенске), А. В. Бурышкин (представитель крупной мануфактурной торговой фирмы) и др. Председателем правления в 1900 г. был И. К. Прове — один из служащих Кнопов, а в дальнейшем эту должность вплоть до революции занимал А. Л. Кноп — глава известной династии хлопчатобумажных королей⁶².

Торговый дом Л. Кнопа, представители которого входили в правления крупнейших хлопчатобумажных предприятий (Богородско-Глуховской и Даниловской мануфактур, товарищества Н. Н. Коншина и др.),

⁵⁷ «Русское экспортное товарищество. Абиссиния как рынок сбыта изделий русского производства». М. Март 1912 года.

⁵⁸ «Русское экспортное товарищество в Москве. К вопросу о возврате пошлин». М. Февраль 1913 года.

⁵⁹ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 33, лл. 5, 7, 15—166.

⁶⁰ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1867, л. 1.

⁶¹ ГИАМО, ф. 51, оп. 1, д. 1045, лл. 1, 3, 8; д. 1046, лл. 1—3; д. 1047, лл. 1—3; д. 1044, лл. 1—3.

⁶² Там же, ф. 774, оп. 1, д. 442, лл. 119—124; д. 325, лл. 32—35; д. 266, лл. 32—34; д. 1578, лл. 4—5.

избрал товарищество Э. Циндель центром своей деятельности по объединению мануфактурных фирм московского промышленного района. Такой выбор был обусловлен сосредоточением в этом предприятии владельцев ряда крупнейших фирм. Для соглашения картельного типа это обстоятельство было чрезвычайно благоприятным. Вместе с тем интересы каждого пайщика товарищества Э. Циндель строго оберегались уставом. Кноп и его группа не пользовались подавляющим влиянием в товариществе. Они могли проводить те или иные мероприятия лишь при поддержке крупных пайщиков, ибо без них невозможно было собрать большинство голосов⁶³. Таким образом, товарищество Э. Циндель могло служить центром по согласованию действий московских ситцевиков. Для этого требовалось лишь самое незначительное расширение сферы деятельности правления и аппарата управления.

Деятельность картеля иваново-вознесенских ситцевиков была сосредоточена вокруг центра совершенно иного рода. Таковым, по-видимому, являлся первоначально Иваново-Вознесенский комитет торговли и мануфактур. Однако последний не мог обеспечить достаточно эффективного и быстрого разрешения проблем, которые особенно часто возникали в момент обострения кризисных явлений и усиления революционного движения. Поэтому в 1913 г. возникло Общество фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенского района. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции оно являлось не только представительной организацией и антирабочим союзом, но и выполняло организационно-исполнительную работу для картеля иваново-вознесенских ситцевиков⁶⁴.

Объединения московских и иваново-вознесенских ситцевиков согласовывали свои антирабочие выступления. Вместе с тем крупнейшие хлопчатобумажные капиталисты, входившие в эти объединения, играли активную роль в деятельности других организаций. Так, еще в феврале 1905 г. при Московском биржевом комитете была создана специальная комиссия по рабочему вопросу, возглавлявшаяся хлопчатобумажными фабрикантами. Она выработала конвенцию, в соответствии с которой капиталисты обязывались не допускать выплаты рабочим заработной платы за дни забастовок, не решать единолично вопросы о сокращении рабочего времени, увеличении расценок, изменении правил внутреннего распорядка и т. п.⁶⁵.

После манифеста 17 октября московские предприниматели усилили борьбу с революционным движением в стране. П. П. Рябушинский, прикрываясь псевдонимом В. Стекольщикова, откровенно писал в 1910 г., что «в 1905 г. буржуазия помогла людям старого режима подавить революцию»⁶⁶. В октябре 1905 г. состоялся съезд фабрикантов и заводчиков Москвы и центральных губерний, на котором в результате обсуждения мер борьбы с рабочим движением было принято решение создать «Союз фабрикантов и заводчиков». Разработка проекта устава была возложена на специальную комиссию по рабочему вопросу, возглавлявшуюся текстильным фабрикантом С. И. Четвериковым. Этот проект был утвержден съездом 27—28 июня 1906 года. В первом параграфе устава союза говорилось, что целью его является обеспечение взаимной поддержки и содействие членам союза в их борьбе с требованием повы-

⁶³ В товариществе Циндель голоса распределялись далеко не в полном соответствии с количеством паев. Согласно уставу, владельцы пяти паев получали один голос, десяти — два, двадцати пяти — три, пятидесяти — четыре, ста и более — пять голосов (там же, д. 325, лл. 32—35).

⁶⁴ В. Я. Лаверычев. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы первой мировой войны. М. 1957, стр. 12—13.

⁶⁵ Е. Д. Черменский. Буржуазия и царизм в революции 1905—07 гг. М.-Л. 1939, стр. 67—70, 80.

⁶⁶ «Утро России», № 149, 18 мая 1910 года.

шения заработка, уменьшения рабочего дня и т. п. Далее, § 3 устава говорит о локаутах как эффективном средстве подавления рабочего движения⁶⁷.

Комиссия по рабочему вопросу также возглавляла и направляла антирабочую деятельность московских фабрикантов. По ее инициативе московские фабриканты в ноябре 1905 г. решили создать страховой фонд для покрытия убытков в случае забастовок⁶⁸. Представители текстильных фабрикантов в 1906 г. принимали участие в правительственной комиссии по фабричному законодательству. 18 апреля С. И. Четвериков, П. А. Морозов, А. И. Коновалов, входившие в состав последней, выступили с письменным протестом против проектируемого комиссией введения обязательного участия предпринимателей в обществе взаимного страхования рабочих при несчастных случаях. Они возражали также против проекта «сберегательных рабочих касс», требуя осуществления ряда мер, предотвращающих превращение таких касс в «стачечный фонд»⁶⁹.

Союз фабрикантов и заводчиков в первоначальном своем виде так и не был создан. Фабриканты охладели к идее этой организации вследствие спада стачечного движения рабочих-текстильщиков, начавшегося во второй половине 1906 года. Инициатива объединения перешла в руки металлопромышленников, организовавших Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района. В составе общества была и текстильная секция, в работе которой принимали участие владельцы крупнейших предприятий, входивших в объединения московских и иваново-вознесенских ситцевиков.

В годы нового революционного подъема антирабочую деятельность хлопчатобумажных фабрикантов направляло Общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, возникшее в начале 1913 года⁷⁰. В него входили участники картельных соглашений московских (Прохоровская, Даниловская мануфактуры и др.) и иваново-вознесенских ситцевиков (товарищества мануфактур Н. Дербенева, Н. Гарелина и др.). Созданная обществом 3 декабря 1913 г. комиссия по рабочему вопросу до 1 января 1915 г. провела 22 заседания⁷¹. На 21-м заседании 28 июня 1914 г. комиссия обсуждала вопрос о праве фабрикантов увольнять рабочих в случае забастовок⁷². Особое внимание комиссия уделяла согласованным действиям по проведению в жизнь только что введенных законов о страховании рабочих. Секретариат общества разработал и направил членам его примерный устав и формы документации для больничных касс. Фабриканты всеми средствами стремились ограничить даже те небольшие права, которые были предоставлены рабочим в соответствии с законами о страховании. Комиссия приняла также решение о необходимости сокращения числа праздничных дней⁷³.

Накануне первой мировой войны среди участников картеля московских ситцевиков отчетливо прослеживалась тенденция к централизации и группированию производства. В начале 1914 г. в Москве было создано «Товарищество на паях для внутренней и вывозной торговли мануфактурными товарами» (сумма основного капитала — 15 млн. руб.).

Печать того времени называла это объединение ситцевым синдикатом⁷⁴. Аналогичная оценка этой организации дается и в историко-эконо-

⁶⁷ ГИАМО, ф. 143, оп. 2, д. 146, лл. 5—18.

⁶⁸ Е. Д. Черменский. Указ. соч., стр. 148—149, 170.

⁶⁹ Рукописный отдел библиотеки имени В. И. Ленина (РОБИЛ), ф. 260, папка VIII, ед. хр. 7, л. 2.

⁷⁰ «Утро России», № 110, 19 мая 1914 г.; ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 219а, лл. 60—61.

⁷¹ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1500, л. 7.

⁷² Там же, д. 1628, лл. 17—19.

⁷³ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 353, лл. 1, 7—11.

⁷⁴ «Петербургский курьер», № 86, 18 апреля 1914 года.

мической литературе⁷⁵. Дело в том, что устав «Товарищества на паях» напоминал уставы тех многочисленных контор по сбыту изделий («Продамет», «Продуголь» и проч.), за невинной вывеской которых скрывались мощные синдикаты. Однако его сходство с этими синдикатами было в значительной мере чисто внешним. Паи его принадлежали трем товариществам: Н. Коншина (6,5 млн. руб.), А. Гюбнера (4 млн. руб.) и Даниловской мануфактуры (4,4 млн. руб.). Организатором товарищества был Н. А. Второв, который скупил паи товарищества А. Гюбнера и вошел в соглашение с фирмой Л. Кнопа. Совместно они контролировали также товарищества Н. Н. Коншина⁷⁶ и Даниловской мануфактуры. Члены совета и правления «Товарищества на паях» являлись в то же время членами правлений и ревизионных комиссий указанных трех предприятий, в которых решающая роль принадлежала группе Второва — Кнопа⁷⁷.

Взаимоотношения предприятий, объединившихся в «Товарищество на паях», также свидетельствуют о более прочных и глубоких связях, чем те, которые присущи монополистическим союзам синдикатского типа. В докладе правления товарищества Н. Н. Коншина общему собранию пайщиков от 11 марта 1914 г. цели объединения были определены следующим образом: «Поставив себе задачу сокращения торговых расходов и понижение процента на делькредере, правление пришло к заключению, что задачи эти наилучшим способом могли быть осуществлены путем отделения торговли от фабричного производства и передачи ее одному солидному контрагенту, который и явится на рынке продавцом товаров нашего товарищества»⁷⁸. В бюллетене товарищества Э. Циндель дана еще более точная оценка характера и целей этого объединения: «Несомненно, что такое объединение имеет свои крупные преимущества, заключающиеся главным образом в устранении конкуренции между этими фирмами, сокращении торговых расходов и, как результат централизации, в облегчении управления»⁷⁹. Аналогичную оценку дает хорошо информированная в этих вопросах газета «Утро России»: «Выгоды объединения заключаются в общей организации кредита, складов, торговых расходов, регулировании производства и в борьбе с недобросовестными плательщиками»⁸⁰.

Об облегчении управления предприятиями, как результате централизации, и о регулировании производства в докладе правления товарищества Н. Н. Коншина пайщикам не было сказано ни слова. Такая «забывчивость» вполне понятна. Дело в том, что вопрос об объединении двух из трех предприятий, вошедших в «Товарищество на паях», усиленно обсуждался еще в 1910 году⁸¹. Однако проект этот не был тогда осуществлен, так как инициаторам объединения не удалось преодолеть сопротивление части акционеров.

Мотивы слияния предприятий в 1910 г. сводились к следующему: «1) общность предприятий и тесная связь их друг с другом; 2) несмотря на почти полную тождественность участников обоих товариществ и пред-

⁷⁵ С. А. Загорский. Синдикаты и тресты. СПб. 1914, стр. 108; П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX вв. М. 1950, стр. 328—329.

⁷⁶ «Утро России», № 45, 23 февраля 1914 г.; «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1914, № 5, стр. 25—26; журнал «Хлопчатобумажная промышленность», 1918, № 5, стр. 1; ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, лл. 198—199.

⁷⁷ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 219, лл. 5—6; д. 353, лл. 2, 5, 26; «Фабрично-заводские предприятия Российской империи». СПб. 1914, К-535.

⁷⁸ ГИАМО, ф. 673, оп. 7, д. 168, л. 9.

⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, л. 198.

⁸⁰ «Утро России», № 45, 23 февраля 1914 года. Газета подчеркивала, что в результате объединения предприятия «не потеряли своей самостоятельности».

⁸¹ Речь шла об объединении товариществ Н. Н. Коншина и Даниловской мануфактуры (товарищество А. Гюбнера находилось тогда в руках французских капиталистов). ГИАМО, ф. 673, оп. 7, д. 6, лл. 442—444, 447—448.

ставляя, таким образом, одно органически связанное целое, предприятия эти являются отдельными лишь с юридической стороны, что лишь заставляет их созывать отдельные общие собрания пайщиков и составлять особые отчеты и балансы, а также вести между собою много излишней переписки, заключать ненужные торговые сделки и т. д.; 3) кроме того, отдельность товариществ связана с крупными совершенно непроизводительными расходами по содержанию отдельных правлений, контор и прочих администраций»⁸². Основная цель объединения — централизация аппарата управления производством — выражена здесь достаточно отчетливо, тенденция к группированию предприятий налицо.

В 1914 г. вновь проявилась та же тенденция. Однако объединились уже не два, а три предприятия, формы объединения были более гибкими. Фактическое объединение управления производством всех трех предприятий (хотя коммерческо-финансовая самостоятельность каждого из них сохранялась) выдавалось за объединение одних только торговых операций. Правление группы формально являлось правлением особого торгового предприятия, имевшего единственную цель — улучшить условия сбыта трех якобы самостоятельных предприятий. На самом деле оно безусловно определяло направление развития производства и производственную деятельность каждого предприятия.

Мелкие акционеры формально не могли возразить против участия своих «самостоятельных» предприятий в «Товариществе на паях», хотя в результате фактического объединения трех предприятий их позиции еще более ослабли. Выгоды же объединения для его инициаторов видны хотя бы из того, что вознаграждение за занимаемые ими должности являлось для них крупным источником дополнительных доходов. Н. А. Второв, например, в 1915/16 операционном году получил более 400 тыс. рублей. Только за свой «труд» в качестве председателя правления «Товарищества на паях» он получил 153 тыс. рублей⁸³.

«Товарищество на паях» в начале апреля 1914 г. разослало клиентуре объединенных предприятий циркуляр о том, что исключительное право продажи всех их изделий переходит к товариществу⁸⁴. Взаимоотношения трех текстильных предприятий с товариществом не похожи на взаимоотношения синдикатов со своими контрагентами. Являясь владельцами всех акций товарищества, они могли продавать свои ткани с огромной скидкой, так как в конечном итоге прибыль попадала по своему прямому назначению. На заседании правления товарищества Н. Н. Коншина, например, 2 апреля 1914 г. было принято решение о скидке в 26,5% с цены товаров, отпускаемых «Товариществу на паях»⁸⁵. Подобные решения, безусловно, принимались и двумя другими предприятиями. Вместе с тем необходимо отметить, что формально взаимоотношения трех предприятий и объединявшего их товарищества строились на чисто коммерческой основе. Товар «продавался» и «покупался». Между «покупателем» и «продавцом» оформлялась соответствующая «документация»⁸⁶. Некоторые коммерческие операции производились непосредственно самими предприятиями. Так, Даниловская мануфактура продавала пряжу и покупала суровые ткани у администрации товарищества Мараевой. В 1916 г. это же предприятие купило 30 тыс. аршин шелка и заключило соглашение о его отделке с товариществом Ю. Ф. Ватреме⁸⁷. Подобные внутренние операции, очевидно, санкционировались правлением «Товарищества на паях».

⁸² Там же, лл. 448—449.

⁸³ Там же, ф. 51, оп. 10, д. 219, лл. 5—6; д. 353, лл. 2—5, 26; д. 339, л. 2; д. 340, л. 15.

⁸⁴ Там же, ф. 673, оп. 7, д. 160, л. 42.

⁸⁵ Там же, д. 168, л. 2.

⁸⁶ Там же, ф. 331, оп. 1, д. 1463, лл. 89, 90, 91, 100, 103, 108, 110, 131.

⁸⁷ Там же, д. 1467, лл. 17, 254, 255, 281—282.

Объединение трех предприятий, хотя оно и было началом создания организации монополистического типа, нельзя считать синдикатом еще и потому, что удельный вес их продукции был все-таки мал, чтобы они могли выполнять роль подобного монополистического объединения. На этих предприятиях производилось 7 млн. (37%) из 18—19 млн. кусков московского ситца, производимого на всех предприятиях⁸⁸. Показательно также и то, что «Товарищество на паях» не являлось объединением однородных предприятий. В 1915 г. в него влилось товарищество А. Г. Гусева, имевшее лишь ткацкую и красильную фабрики. Форма объединения также была весьма своеобразной. Товарищество А. Г. Гусева не могло быть четвертым равноправным членом объединения. Оно скорее принадлежало «Товариществу на паях». Группа Второва — Кнопа приобрела 51% паев этого товарищества (356 из 700)⁸⁹.

Создание такого крупного объединения, как «Товарищество на паях», не могло не изменить соотношения внутри картеля московских ситцевиков. Остальные предприятия, входившие в картель, вынуждены были консолидировать свои силы. Даже в товариществе Э. Циндель, где влияние группы Кнопа — Второва было достаточно сильным, деятельность ее вызвала недовольность. Большая часть пайщиков составила оппозицию, возглавляемую, видимо, А. Л. Керковым⁹⁰. Действуя в соответствии с требованиями большинства пайщиков, правление должно было предпринять некоторые недружелюбные действия по отношению к «Товариществу на паях». Газета «Коммерческий телеграф» 30 июля 1914 г. сообщала, что между товариществом Э. Циндель и Прохоровской трехгорной мануфактурой существует негласное соглашение действовать в противовес «Товариществу на паях».

Однако эти трения не успели обостриться и не привели к распаду картеля. Он продолжал действовать. В сентябре 1914 г. предприятия, объединенные в нем, обратились к торговым фирмам с циркуляром, в котором говорилось, что они решили совместно рассматривать «каждый отдельный случай прекращения платежей в районе, где введен мораториум, заканчивать расчеты совместно и в случае явно злостного характера неплатежа закрывать навсегда кредит злоупотребившему доверием покупателю». От имени трех объединенных предприятий циркуляр был подписан правлением «Товарищества на паях»⁹¹. 13 октября 1914 г. состоялось новое совещание участников картеля, на котором было решено повысить цены на ситец и другие ткани. В картеле по-прежнему обсуждались и решались вопросы о размерах производства⁹².

В годы войны товарищество Э. Циндель продолжало выпускать свои бюллетени. В одном из них в конце 1916 г. было высказано резко отрицательное отношение картеля к твердым ценам на готовые хлопчатобумажные изделия, установленным царским правительством. В печати этот бюллетень получил название «Мануфактурного манифеста». В нем фабриканты заявляли: «Независимо от того, будет ли нормирована цена на готовый товар, в отношении ситца можно уже теперь с уверенностью сказать, что в недалеком будущем предстоит его повышение»⁹³. Деятельность картеля продолжалась и после Февральской революции⁹⁴.

⁸⁸ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, лл. 198—199; «Утро России», № 147, 26 февраля; № 89, 18 апреля 1914 года.

⁸⁹ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 322, л. 3; Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 5457, оп. 2, д. 8, лл. 27—28; ГАОР и СС МО, ф. 2122, оп. 1, д. 83, лл. 1—2.

⁹⁰ «Вестник мануфактурной промышленности», 1913, № 5 (50), стр. 2496.

⁹¹ «Коммерческий телеграф», № 494, 15 октября 1914 года.

⁹² ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 1539, л. 5.

⁹³ «Коммерческий телеграф», № 1079, 12 декабря 1916 года.

⁹⁴ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 1578, л. 9; «Коммерческий телеграф», № 1244, 9 августа 1917 года.

Подведем некоторые итоги. В хлопчатобумажной промышленности России в эпоху империализма фабрикантами и банками проводилась линия на монополизацию сбыта тканей. На завершающей стадии цикла хлопчатобумажного производства одно за другим возникали кратковременные и создавались первые устойчивые монополистические объединения. В общей сложности выявлено 10 более или менее устойчивых монополистических соглашений⁹⁵. Однако их было, по-видимому, значительно больше. Все они, несмотря на различия в устойчивости, эффективности и продолжительности своей деятельности, различными способами стремились организовать сбыт продукции по монополюно высоким ценам, преследовали цели, присущие монополистическим союзам капиталистов. Организуя солидарные действия капиталистов в борьбе за максимально высокие прибыли, эти объединения проводили и последовательно осуществляли усиление эксплуатации рабочих, обеспечивали наступление предпринимателей на рабочий класс единым фронтом.

Характерной особенностью монополизации хлопчатобумажной промышленности являлось преобладание первичных, низших форм монополистических соглашений. Крупные монополистические объединения в завершающем цикле хлопчатобумажного производства так и не развились дальше картеля. Для обеспечения текущей работы существовавших картельных соглашений порой использовались архаичные формы (комитет торговли и мануфактур Иваново-Вознесенска). Некоторое исключение представляла группа комбинированных предприятий, созданная Второвым — Кнопом («Товарищество на паях для внутренней и внешней торговли мануфактурными товарами»). В этом объединении имелись все потенциальные возможности (группирование предприятий, личная уния и т. п.) для перерастания его в крупный хлопчатобумажный трест. Особо стоит также кружевной синдикат, где предприятие, возглавлявшее объединение, постепенно скупало другие предприятия, участвовавшие в соглашении, организуя небольшой трест.

Отсталость и недоразвитость монополистических объединений в хлопчатобумажной промышленности обуславливались слабостью национального финансового капитала, слабым влиянием банков на развитие этой отрасли народного хозяйства. Только в исключительных случаях (Русское экспортное товарищество) крупнейшие петербургские банки контролировали объединения, созданные московскими фабрикантами. Известно также, что они редко владели паями хлопчатобумажных предприятий Центрального промышленного района. Московские банки, созданные самими фабрикантами, ввиду своей слабости до войны не стали еще центрами создания монополистических союзов высшего типа (тресты, концерны). Значительное количество узкоспециализированных объединений и соглашений в хлопчатобумажной промышленности объясняется также дробностью специализации предприятий. В свою очередь, это явление было следствием незавершенности процесса централизации производства второстепенных специализированных профилей, где преобладали мелкие и средние промышленные заведения.

⁹⁵ 1) Соглашения лодзинских фабрикантов (1900—1907), 2) соглашения московских мануфактуристов (1900—1904), 3) соглашение фабрикантов пунцовых тканей (1900), 4) картель московских ситцевиков (1904—1917), 5) соглашения иваново-вознесенских ситцевиков (1904—1917), 6) соглашение владельцев фабрик, выпускавших черные триковые ткани (1913), 7) соглашение владельцев фабрик, отделывавших бархат и плюш (1913), 8) кружевной синдикат (1913), 9) картель красильно-аппретурных фабрикантов (1912—1917), 10) экспортный синдикат (1909—1917).